

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.2.1

К. И. Гуревич

Образ половцев-союзников в ранних древнерусских летописях

Половцы — тюркоязычные кочевники, населявшие евразийские степи с начала XI до середины XII в. Половцы не имели единого государства, хотя занимали обширные территории, простиравшиеся от бассейна Иртыша до нижнего течения Дуная. Отсутствие централизованного управления, позволявшее элите крупных половецких родов действовать сообразно с собственными интересами, определило чрезвычайное разнообразие политических взаимодействий между половцами и средневековыми государствами. Прежде всего, половцы, находясь в непосредственной близости от древнерусских княжеств, оказали существенное влияние на историю Киевской Руси.

Многочисленные описания половецких набегов и страданий «мирных христиан» от рук «поганых», приведенные в древнерусских летописях, а также детальное повествование о ряде антиполовецких кампаний сформировали в последующей историографической традиции (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский) восприятие половцев как серьезных противников в исконной борьбе «леса со степью». Не вдаваясь в детали и возможную критику концепции такой борьбы, следует отметить, что негативный образ половцев-врагов здесь во многом следует заданной летописцем системе представлений о «безбожных», «окаянных» половцах, «источнике всякого зла»¹. Тем не менее, все больше и больше современных исследователей обращают внимание не на эпизоды

конфликтов, где половцы олицетворяют противодействующее начало, но на случаи взаимовыгодных контактов между Рюриковичами и половцами².

В своей работе я смещаю фокус с исторического анализа многочисленных союзов половцев и русских князей к анализу репрезентативного аспекта этих взаимодействий, то есть к анализу того образа половца-союзника, который сформировался в летописной традиции благодаря приписыванию половцам определенных черт. Я склонна утверждать, что между образом половца-союзника в летописях и актуальной практикой союзнических отношений существует значительное расхождение, не преодолеваемое на протяжении всего периода политического сотрудничества между половецкими и русскими князьями.

Половцы появляются у границ русских княжеств в середине XI в. Уже к концу столетия, как сообщают древнерусские летописи, Рюриковичи начинают устанавливать с половцами матримониальные контакты: после периода «узнавания» нового соседа и частого противника начинается этап кооперации на уровне половецкой и русской элиты. Князья стремятся использовать военные качества половцев наиболее эффективным образом, при этом неизбежно оказывается, что одни группы половецких родов мало склонны к «сотрудничеству», а другие обеспечивают военную поддержку для отдельных родов Рюриковичей в течение нескольких поколений. Здесь стоит обратить внимание, что летописный нарратив использует прямую речь при описании подобной поддержки. Половцы «оживают» на страницах летописей и, например, спрашивают у своих русских родственников, «не нужно ли прийти на помощь». Важно, что летописец уделяет пристальное внимание половецкой генеалогии, тщательно следит за всеми внутриродовыми связями половцев и при случае их актуализирует.

Союзы с половцами — чрезвычайно долговременная практика. Первое упоминание о мирных соглашениях с половцами появляется в Повести временных лет уже в 1055 г., а последние записи относятся к первой четверти XIII в.

Тем не менее во всей летописной традиции обращает на себя внимание монотонность и повторяемость нарративных формул. Более 150 лет записи о союзах обладают примерно одинаковым наполнением и следуют похожей модели: заключен тот или иной союз, произошел тот или иной совместный поход, тот или иной половецкий или русский князь был захвачен в плен. Подобная монотонность может быть только частично объяснена природой летописного источника, так как повествования о взаимодействиях русских князей часто обладают гораздо более живописными деталями.

Я склонна полагать, что враждебность, столь явно присутствующая в описаниях ранних половецких набегов оказала влияние и на описание союзов с половцами. Хотя ни одна из древнерусских летописей прямо не обвиняет Рюриковичей, заключающих союзы с половецкими князьями и берущих в жены половецких княжен, древнерусский книжник не упускает возможности обвинить половцев (уже вступивших в союз с русским князем) в чинимых ими злодеяниях и указать на языческую природу половцев. Более того, половцы часто связываются с идеей принадлежности (особенно ясно это прослеживается в статьях Киевской летописи, в эпизодах, где Юрий Долгорукий идет в тот или иной поход со своими половцами).

Половцы представлены как вспомогательное, но в то же время опасное средство в княжеской междоусобице. Характеризовать отношение летописца можно с помощью метафоры обоюдоострого меча, который возводят князья на своих врагов, но которой неизбежно в итоге поражает христианское общество. Чаще всего летописец говорит только об одной стороне меча, умалчивая о преимуществах союза для русских князей. Именно здесь можно наблюдать существенный разрыв между восприятием половцев в летописной традиции и их активной вовлеченностью в политическую жизнь Руси. Заключая союзы с Рюриковичами, половцы постепенно вовлекались в дипломатические практики, разрабатываемые и активно используемые на Руси. В подобной ситуации половцы не могли не принять существующие формы полити-

ческого поведения. Летописец, безусловно, в курсе участия половцев в политической практике: не случайно довольно часто половцы оказываются в центре повествования о политическом церемониале. «Куманоцентричность» дипломатических сцен особенно ярко выражается на лингвистическом уровне: дейктические модели, используемые летописцем, соотносятся с перспективой половецких, а не русских князей. Тем не менее вовлеченность половцев в дипломатические церемониалы не влияет на создание положительного образа половцев. Будучи «партнерами» в политических делах, половцы для книжника остаются противниками в экзистенциальном смысле. Различие в перспективах летописца и Рюриковичей видно на всем протяжении летописной традиции. Одно поколение князей сменяет другое, взаимодействие с половецкой элитой сохраняется, но летописец продолжает скрыто упрекать русских князей за связи с половцами (особенно репрезентативен в этом случае пример рода Олега Святославича).

Таким образом, когда в первой трети XIII столетия половцы терпят сокрушительное поражение от татар, летописец не только не проявляет сочувствия к бывшим союзникам, но и преподносит разгром половцев как вполне заслуженную кару за все злодеяния «поганных». Учитывая обозначенную статичность летописного восприятия половцев на фоне нарастающей динамики сотрудничества, можно сделать вывод, что за долгие годы практического взаимодействия с половцами перспектива летописца так и не приблизилась к принятию этого ближайшего языческого союзника многих русских князей.

Примечания

¹ ПСРЛ, II, 628, 634.

² См.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013; Конявская Е.Л. Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев // Слоўне (Slovene). 2015. Vol. 4. № 1. С. 180–190; Добровольский Д.А. Восприятие половцев в летописании XI–XII вв. // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 286–294.